

Театральная Газета

Еженедельное издание,
ПОСВЯЩЕННОЕ ТЕАТРУ, ИСКУССТВАМЪ и ЛИТЕРАТУРЪ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА и РЕДАКЦИЯ

СПБ., Литейный, 43.

Открыта ежен. (кроме праздниковъ) отъ 10 до 4 час.

№ 6.

8-го АВГУСТА 1893 Г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1/2 г. (Юль—Декабрь) 3 р., съ дост. и перес. 4 р.

Отдѣльные №№ по 15 коп.

Продолжается подписка на новое еженедельное иллюстрированное издание

„ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

подъ редакціей Петра Вейнберга,

ПОСВЯЩЕННОЕ ТЕАТРУ, ИЗЯЩНЫМЪ ИСКУССТВАМЪ и ЛИТЕРАТУРЪ.

ПРОГРАММА „Театральной Газеты“ слѣдующая: 1) Статьи по искусству вообще (т. е. по театру, музыкѣ, пластическимъ искусствамъ, поэзи), 2) Театральныя, музыкальныя, художественныя и литературныя новости, замѣтки и корреспонденціи. 3) Повѣсти, стихотворенія, сценки и т. п. 4) Драматическія произведенія (старого и текущаго репертуара). 5) Городская хроника.

Сверхъ того, въ текстѣ газеты помѣщаются иллюстраціи — въ видѣ портретовъ, рисунковъ декораций, костюмовъ и сценъ изъ драматическихъ и музыкальныхъ произведеній.

„Театральная Газета“ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Подписная цѣна за полгода (до января 1894) 3 руб., съ дост. и перес. 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ—С.-Петербургъ, Литейный, 43 (при типографіи А. Мучника), и въ музыкальныхъ и книжныхъ магазинахъ; въ МОСКВѢ: у Печковской; въ КІЕВѢ: въ магазинѣ Л. Илзиковскаго; въ ОДЕССѢ: у Болеслава Корейво; а также въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Памяти великаго живописца. Александра Дюма.
Забытыя оперы. П. Лароша.
Онъ понялъ. Александра Чехова.
Взгляды на итальянск. драмат. сцену. Эриесто Россіи.
Новинка въ „Акваріумѣ“. Лароша.
Антоніо Гисланцони. (Покрологъ).
Корреспонденціи: изъ Одессы.
„ Тифлиса.
„ Вильны.
Загородные театры Озерки. А.
Фельетонъ. „Театръ и жизнь“. Дидетанта.
Портреты: И. Мейсонье и Гектора Берліоза.

Памяти великаго живописца *).

Входя въ эту залу, въ которой стараніемъ дѣтей, друзей и учениковъ собраны по возможности все творенія одного изъ величайшихъ художниковъ, когда либо существовавшихъ, отбросьте любопытство, которое такъ часто руководило вами, когда вы переступали этотъ порогъ, и приготовьтесь къ чувству уваженія, восторга и благодарности. Здѣсь вы видите результаты шестидесятилѣтняго, самаго искренняго и самаго упornaго труда, самой пылкой и благородной любви къ искусству и самаго чистаго стремленія къ идеалу! Никто не сдѣлалъ болѣе этого человѣка, чтобы пріобрѣсти ваше удивленіе и уваженіе. Въ продолженіи этихъ шестидесяти лѣтъ труда, бѣдности, борьбы, успѣха, славы, мы не видимъ его ни на одну минуту предающимся унынію и сомнѣнію; не видимъ также самодовольства и пользованія благами жизни; каждое мгновеніе его существованія заключаетъ въ себѣ новое усиліе достигнуть совершенства, которое ему такъ часто удавалось; никогда не дѣлалъ онъ ни малѣйшей уступки вкуса любителямъ, торговцамъ, несмотря на предлагаемыя ему крупныя суммы. За все это время онъ ни разу не ложился безъ мысли о трудѣ, предстоящемъ на завтрашній день. Дѣло въ томъ, что онъ употребилъ слишкомъ полвѣка ежедневнаго терпѣливаго и энергичнаго труда, чтобы осуществить въ

искусствѣ то, о чемъ мечталъ еще пятнадцатилѣтнимъ юношей, въ лавчонкѣ своего отца, наполненной товаромъ, ничего общаго не имѣвшаго съ художествомъ.

Если когда либо истинное призваніе отиѣтило чело ребенка и заставило его пройти чрезъ все трудности и преодолѣть все препятствія, чтобы сдѣлать изъ него великаго мастера, то именно таково было призваніе Мейсонье.

Онъ росъ въ то время, когда жрецы искусства плохо питались у алтаря его, и поэтому буржуа, а въ особенности купцы, ставили всевозможныя препятствія своимъ дѣтямъ, желавшимъ сдѣлаться художниками, и нерѣдко лишали ихъ даже средствъ къ жизни. „Такъ вотъ какъ! вмѣсто того, чтобы заботиться о моемъ домѣ и помогать мнѣ въ торговомъ дѣлѣ, которое я тебѣ оставляю, ты хочешь впутаться въ компанію бородатыхъ и длинноволосыхъ мавилокъ, которые умираютъ съ голоду! Прекрасно! Но я не желаю, чтобы ты голодалъ; люди живутъ на десять су въ день, а тебѣ дамъ пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ—это лучшій способъ узнать, какой ты художникъ; если же тебѣ не хватитъ на обѣдъ, приходи къ намъ, мы обѣдаемъ въ шесть часовъ“. Ми—это отецъ Мейсонье, но также и мать, которая умѣла немножко рисовать и работала на досугѣ надъ миниатюрами при блѣдномъ свѣтѣ, проникавшемъ въ окно ея комнаты, выходившей на пустынный дворъ. Эта мать съ голубыми глазами и лицомъ гордымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ кроткимъ и грустнымъ, была первой вдохновительницей своего ребенка, отъ нея онъ наследовалъ любовь къ искусству, которое его обезсмертило!

Какъ часто въ его воспоминавіяхъ мелькаетъ образъ матери, сидящей у окна, передъ столикомъ краснаго дерева и копирующей какую нибудь картину современнаго художника, или рисующей карандашемъ или акварелью портретъ подруги или дѣвочки! Много разъ воспроизводилъ онъ это окно и сѣроватый ровный свѣтъ его, падающій на человѣка, который читаетъ, пишетъ, смотритъ на гравюру, или разсматриваетъ шпату. Окно на его картинѣ было лучше и принадлежало другому времени, чѣмъ окно материнской комнаты; но всегда въ лучахъ этого окна появлялась и исчезала тѣнь обожжаемой матери. Благоговѣніе, съ которымъ дѣти Мейсонье относятся нынѣ къ безсмертнымъ твореніямъ отца, не трогательнѣе того чувства, кото-

рое творецъ „1814 г.“ и „Поединка“ питалъ къ маленькимъ рисункамъ своей матери, которые онъ берегъ и показывалъ своимъ близкимъ друзьямъ. „Ей я обязанъ, говорилъ онъ, своей любовью къ искусству, моими первыми порывами творчества, отъ нея я получилъ первые совѣты, и еслибы вы знали, какъ они были вѣрны!“ Такимъ образомъ мать видѣла дальше, чѣмъ отецъ, въ будущности сына, потому что горизонтъ яснѣе и шире для материнскихъ глазъ, и она пыталась убѣдить мужа и склонить его положить гнѣвъ на милость. Но ничто не помогало. Тогда сынъ и мать, пожавъ другъ другу руку, молча обнялись, и молодой человекъ покинулъ родительскій кровъ, гдѣ ему, въ качествѣ простаго приказчика, приходилось завертывать товаръ,—чтобы поселиться въ мансардѣ, которую онъ въ своемъ воображеніи наполнялъ уже образами, воспроизведенными имъ такъ чудесно впоследствии на полотнѣ. Онъ уносилъ съ собой впечатлѣніе тишины, размышленія и работы, которое оставила въ немъ комната, куда мать уединялась для рисованія, и это впечатлѣніе выражено имъ не только въ большемъ числѣ его картинъ, но имъ проникнута, если можно такъ выразиться, вся его жизнь. Правда, сильно приходилось бороться съ нищетой Мейсонье и товарищу его Штейнбелю, жившему съ нимъ въ одной комнатѣ, но сила воли и энергія были еще сильнѣе. Десяти су было недостаточно для обѣда, и не много помощи оказывали тѣ двадцать восемь франковъ, которые зарабатывалъ Штейнбель уроками рисованія; и вотъ тотъ, чьи картины впоследствии продавались по четыре и пяти тысячъ франковъ, ходилъ изъ магазина въ магазинъ, предлагая за пять и десять франковъ рисунки перомъ и карандашемъ, изъ которыхъ нѣкоторыя найдены и помѣщены здѣсь *). Робко вынималъ онъ ихъ изъ папки, гдѣ они были спрятаны, и печально клалъ ихъ обратно, когда купецъ отворачивалъ ему отказомъ, что случалось девяносто разъ изъ ста. Въ такихъ случаяхъ онъ, какъ Шатобрианъ во время ссылки въ Лондонъ, закусывалъ копѣчной булкой, послѣ чего, чувствуя необходимость подкрѣпить свои силы, отправлялся къ своимъ родителямъ, въ то время, когда они пили кофе. „Ты уже пообедалъ?“ спрашивалъ его отецъ.

* Т. е. въ изданіи, къ которому эта статья служитъ предисловіемъ. Ред.